

Темнота. Боль. Отчаяние. Безумие. Страх.

И ненависть. так много, так много ненависти, что можно было подумать, что он сошел с ума. Нет, вероятнее всего, он сошел с ума от этой ненависти - но больше всего от того, что он не знал, на что была направлена его ненависть в этот момент. На попавшегося под руку сквайра, Гарет, чью голову он разможил словно перезревший плод? На Гавейна, призвавшего к его казни, когда тот узнал как о гибели его младшей сестры, так и о Артуре? На Гвинерву, казавшуюся ему такой хрупкой, одинокой, страдающей - нуждающейся в крепком плече - а затем в долгом разговоре - а в какой-то момент в поцелуе и романтическом обещании вечной любви? Или, может быть на себя - на себя, поддавшегося на уговоры сердца, совершившего сделку с собственным разумом и совестью? "Он не совершал ничего плохого, разве можно было его обвинять - он ведь не хотел делать ничего плохого..."

Или... Артур?

Конечно же нет. Конечно не Артур. Как мог Ланселот ненавидеть Артура - того самого Короля Артура, под чьим командованием Ланселот стал рыцарем, под чьим командованием Ланселот совершал подвиги, и под чьим командованием завоевал славу. Тот самый Король Артур, которого Ланселот всегда почитал и оберегал - король всех рыцарей, чья честь, гордость и устремленные ввысь идеалы вели Ланселота по жизни. Конечно же, тот самый король, которого Ланселот любил и почитал, в честь которого сражался и которому сохранял верность...

Или...

Нет, конечно же нет. Он не чувствовал ненависти к королю Артуру, никогда в своей жизни. Единственное, о чем он сожалел в конце своей жизни - это о том, что он не смог умереть рядом с Арторией на том самом проклятом холме, с клинком в руках, исполняя свой долг перед королем. Не смог положить свою жизнь во искупление грехов и ради идеалов своего короля...

Но отчего тогда он чувствовал столько ненависти сейчас? На себя, на Гавейна, на Гарет, на Гвинерву - на весь мир вокруг, столько желчной, черной ненависти - столько ненависти, что Ланселоту казалось, будто бы он тонет в непроглядной черной тьме, как будто бы мазут заливают его глаза и уши, лишая возможности ощущать мир как что-либо кроме непроглядной тьмы и бесконечной злобы...

Но Ланселот продолжал держать в руке клинок Артории. Экскалибур. Золотое сияние, рассекающую тьму, что могло вывести его даже из этой непроглядной злобы. Пока он держался за Экскалибур эта непроглядная тьма не могла поглотить его полностью. Потому, что Ланселот оставался верным рыцарем, никогда не восстававшим против своего короля - никогда не хотевшего причинять ему боль. Потому, что Ланселот никогда не испытывал ненависти к королю Артуру. В последние минуты своей жизни Ланселот был поглощен своей злобой ко всему - к миру, к себе, к женщине которую он любил, к братьям по оружию и к последовательному пажу - но не к Артуру.

Тогда, в его последние моменты, эта верность была единственной нитью, державшей его разум. Тогда, цепляясь за милость своего короля, Ланселот смог вернуться - вовсе не тем рыцарем, которым он впал в безумие, гнев и злобу, но все еще Ланселотом - рыцарем на службе короля Артура.

Так произойдет и сейчас. Пока непроглядная ненависть держалась вокруг, поглощая его разум - Ланселот держался за клинок Артории. За Экскалибур. Клинок, прошедший сквозь века,

ожидаая возможности вернуться к своему хозяину.

Именно так, Экскалибур, потерянный когда Арторией на том самом холме, когда ее верный рыцарь взвалил на себя тяжкую ношу, обещание вернуть клинок к леди Озера, Вивиан, и не смог сделать этого. с тех пор этот клинок блуждал по всем временам и странам, желая вернуться. Клинок, что Бедивер пытался возратить на полагающееся ему место - к Королю Артуру. Клинок, которым Ланселот мог доказать свою преданность.

Именно так. Ланселот был верен своему королю. Никогда не испытывал ненависти к тому - он был верен, всегда верен... Он должен был доказать это. Доказать любым возможным способом. Он должен был... Должен был...

Должен был вернуть Экскалибур. Клинок, Артура. Клинок, что бродил в руках Бедивера по всему миру и вне его, сотни лет. Должен был вернуть Экскалибур, о котором забыл Король Артур. Должен был держаться за единственный луч света в этой тьме. Должен был доказать свою верность. Должен был... Вернуть Экскалибур на место... Любой ценой...

Непроницаемо-черная, подобная мазуту жидкость изливалось, казалось бы, с самого неба - нет, так и было. Открывшееся в покрытом редкими облаками синем небе воронка была подобна раскрывшейся пасти чудовища - чудовища, которого неудержимо рвало черной жидкостью, стремящейся потоками вниз, к столь могущественной, но столь беззащитной фигуре Ланселота внизу. Или, может быть, монстр истекал слюной, позволяя той спускаться вниз, к миру, что этот монстр так стремился пожрать.

Жак де Моле, последний магистр ордена Тамплиеров - разве существовала более подходящая фигура для того, чтобы появиться здесь, на Святой Земле, возглавляя крестоносцев, встретивших здесь Конец Света?

Конечно же, будучи последним магистром ордена Тамплиеров Жак де Моле не была связана с крестовыми походами сама по себе - однако "Орден бедных рыцарей Иерусалимского храма", их красный крест на белом фоне был иконой крестовых походов не меньше самой Святой Земли.

Девять бедных рыцарей, принявших когда-то на себя мантию защиты паломников Иерусалима - орден Тамплиеров поднялся вверх в головокружительном взлете, превратившись из нищих ополченцев в банкиров, помещиков, торговцев - накопив богатства, заставлявшие королей скрипеть зубами от злобы - и вместе с тем обратился к колдовству, демонопоклонничеству и почитанию "Бафомета" - демона, Дьявола, а может быть языческого идола, оставшегося от иных времен в распоряжении "бедных рыцарей Христа."

Были ли эти обвинения правдивы? При всем возможном - даже вероятном - моральном разложении ордена, оказавшегося богачами, способными решать судьбы целых народов своим влиянием и финансами - это было лишь уловкой алчущих, желавших получить богатства Тамплиеров, что те накопили за века - не больше, чем самая обычная людская жадность.

Однако, сгорая на костре, арестованный тринадцатого октября, в пятницу, Жак де Моле был сожжен как еретик, как монстр и демонопоклонник - оставив за собой дурную славу для всего ордена Тамплиеров.

И, конечно же, когда Слуга Жак де Моле был рожден - оставшаяся после его смерти на земле дурная слава вернулась к нему черной ненавистью - открыв врата ко злу куда более черному,

чем могли предполагать обвинители Тамплиеров на том суде.

-Йа Йа Шуб-Ниггурат! - произнесенные с практически религиозным восторгом слова заставили Жак впервые расплыться в улыбке, наблюдая за тем, как из черного пролома, ведущего далеко за пределы космоса, изливается подобная мазуту черная, непреодолимая злоба... Или то, что можно было назвать злобой для человеческого разума.

Как Бог может гневаться на муравьев? Как ужас за пределами познаваемого можно было назвать злом? Что-то непредставимо большее, чем простые, столь понятные человечеству концепты, ужасающее именно в том, что не было возможности назвать это "злом" или "добром" - скорее, лишь нечто "иное" - вторгающееся в мир столь же противоестественно, как инфекция проникает в кровотокающую рану.

И в центре этого вторжения стоял Ланселот - разум, пожирающий сам себя под непредставимым потоком текущей злобы и ненависти, державшийся за последние остатки своей верности и гордости... Делая лишь хуже для самого себя.

-Достаточно,- голос первого Хассана заставил Машу отвлечься от зачарованного наблюдения за омерзительной картиной перед ней, чтобы перевести взгляд на фигуру безымянного Ассасина, державшего в руках свой испещренный годами, а может быть и веками службы, прежде чем найти взглядом Жак.

Жак, до того державшаяся крайне спокойно и отстраненно - настолько, что легко можно было забыть о ее присутствии вовсе, выглядела... Радостной. Нет, даже не радостной - правильнее было сказать, что ее сверкающий взгляд был подобен религиозному экстазу, словно бы наблюдая за явлением чуда Господа - ее скромная, почти церковная одежда сменилась на вечернее платье, заканчивающееся намного выше ее колен и едва ли оставляя достаточно место для воображения, а достаточно бледная кожа темнела на глазах, до тех пор, пока ее оттенок не остановился на практически болезненном темном цвете с фиолетовым отливом.

Ее глаза изменились на радужку болезненно-желтого цвета, а зрачок превратился в кошачий, внимательно наблюдающий за фигурой поглощаемого тьмой Ланселота - поднимающиеся, казалось бы, из ниоткуда костяные щупальца застыли спустя мгновение в подобие короны из когтей и зубов.

Неважно, сколько человек было бы опрошено в это мгновение - каждый бы указал, что эта девушка являлась воплощением самого зла на Земле. Мнение, с которым, кажется, был согласен и Первый Хассан, чей взгляд нельзя было отследить благодаря его форме скелета, но что вне всяких сомнений прямо сейчас вгрызался в фигуру Жак.

-Уже?! - почти по детски возмутилась Жак, мгновенно теряя остатки своего молчаливого спокойствия, прежде чем найти взглядом Хассана. На его слова в глазах Жак сверкнула злоба, однако стоило только Хассану чуть сжать рукоять своего клинка, в более чем простом и понятном жесте, как Жак отвела взгляд и раздраженно выдохнула, - Язычник! Наконец-то я смогла принести истинного Бога в этот мир - и твой ответ - "Достаточно"?! Поэтому я и ненавижу язычников, неспособных принять истинного Бога в свою душу...

-Этому роду нет места на Земле,- Хассан произнес эти слова словно финальный приговор, однако не стал вступать в дальнейшую полемику с Жак, глядя на разорванную в ткани мироздания рану, передавая той мысль о дальнейших ожидаемых шагах. с ее стороны. Жак, явно недовольная решением Хассана, все же не решилась полагаться на покровительство ужаса из-за грани пустого черного космоса, вместо того скорчив свое прекрасное лицо в

выражении пренебрежения и презрения, подняла руку вверх, заставив пульсирующую воронку содрогнуться, прежде чем начать уменьшаться медленно, выплескивая почти отчаянно черную жидкость на мир под собой.

Постепенно, словно бы с неохотой, черная рана в ткани мироздания медленно закрылась - однако исторгнутая черная жидкость не исчезла сама по себе, вместо этого медленно продолжая растекаться тягучим черным вязким мазутом по земле, прежде чем, вздрогнув, начать подниматься вверх в нарушение всех законов природы, вытягиваясь тошнотворными щупальцами вверх, переплетаясь, прежде чем создать пульсирующую словно бьющееся сердце фигуры, состоявшие из костей, щупалец, ртов, копыт и чистой ненависти.

Медленно, словно бы подчиняясь своему кошмарному инстинкту, создания начали двигаться, однако Машу отвратила от них взгляд, боясь, что она не сможет выдержать наблюдения за потомством Черной Козы, прежде чем найти взглядом Ланселота, продолжавшего стоять до сих пор по колено в текущей черной слизи.

Впрочем, этот Ланселот слабо напоминал свою прошлую версию. Белые доспехи, сиявшие до того на солнце, словно были осквернены чернотой, потеряв свой блеск и цвет. Клинок, до того выглядевший священным оружием, почернел и превратился лишь в еще одну железяку на его теле. Лицо, до того открытое, покрылось полностью темной слизью, скрылось под черным непроницаемым шлемом, медленно сформировавшимся из тягучих мазутных капель. И в глубине визора, должного открывать обзор для глаз рыцаря, разнесся яркий, полный безумной ненависти красный свет.

Единственной до сих пор не оскверненной деталью Ланселота оставался все также сверкающий в его руках золотисто-белым светом Экскалибур - принявший свою истинную форму в момент, когда Бедивер был лишен своей ложной руки...

“Даже для меня это слишком... Побить Ланселота? Всеми руками за! Убить его? Тоже переживать не буду. Но это...” - голос Галахада, несмотря на его явное нежелание демонстрировать сочувствие к своему отцу наполнился противоестественной жалостью к тому, заставив Машу на мгновение удивиться - неужели в душе и разуме Галахада все еще оставалось что-то подобное сочувствию к тому?

Впрочем, как бы то ни было - это сочувствие продлилось недолго. Достаточно лишь для того, чтобы услышать вырвавшийся похожий на задушенный всхлип и крик одновременно, практически через силу выдавленный из себя рык дикого зверя, - АРТУУУУУУУУР!

“Я — Озимандия, великий царь царей. Взгляните на мои деянья и дрожите!”

Не было, нет и не будет никогда равного Озимандии великого правителя всех стран, времен и народов - ибо каждый из царей что предшествовал ему был нужен этому миру лишь для того, чтобы подготовить почву для его появления. Ибо каждый царь что был одновременно с ним был нужен лишь для того, чтобы существовать под Солнцем Великого Озимандии. Ибо каждый царь что был и будет после него был нужен лишь для того, чтобы разнести славу о Фараоне всех Фараонов!

Ибо как заявил сам великий Озимандия - “Отныне каждый храм, что был построен - был построен мной! Каждый Бог что был рожден есть Я! Каждое деяние совершенное - совершено было в мою честь!”

Для меньших умов нельзя было назвать подобное иначе, чем “высокомерие” - чрезмерное даже по меркам других правителей - но Озимандия не был меньшим умом. Объявляя о своей позиции во всем мировом космосе Озимандия знал, претензию на что предъявляет он - какова будет расплата, стоит ему пасть - и каковы будут дары когда он возвысится к небесам. Именно так - не существовало возможности того, что Озимандия не сможет удержать титул царя всех царей - и, как и было решено, Озимандия не проиграл этот бой.

Ноша величайшего из царей была тяжела, однако Озимандия не удовлетворился бы более легкой. Вместо этого с честью и гордо поднятой головой тот нес свою корону - и его Благородный Фантазм олицетворял этот факт.

Рамзеум Тенти́рис - храм столь грандиозный, дворец столь величественный и крепость столь неприступная, что та просто не могла существовать в реальности. Впрочем, именно так и было - та и не существовала вовсе. Если быть более точным, то Рамзеум Тенти́рис представлял из себя каждую крепость, каждый дворец и каждый храм, когда либо построенный по приказу любого царя. Ибо кто был Озимандия, если не царь всех царей, и для кого были построены храмы, дворцы и крепости этого мира, если не для него самого?

Некоторые величайшие храмы обладали магией, что была угрожающе даже в Эпоху Богов. Некоторые крепости превратились в живые памятники, до сих пор восхищающие поколения военных умов. Некоторые дворцы до сих пор внушали трепет своей декадентной роскошью наблюдателям. Но царь всех царей, Озимандия Великий, не желал останавливаться лишь на одном из них - нет, по праву фараона фараонов - все они одновременно принадлежали ему.

Бесконечный дворцовый комплекс возник вокруг Озимандии - словно бы мираж обретающий форму - тот распространился вширь, вверх и вдаль, поглощая горизонт как бесконечный памятник величию Озимандии, больше, чем мог вместить весь этот мир. Под давлением мраморных колонн и золотых обелисков, казалось, должна была треснуть сама земная кора, не рассчитанная на подобное давление - а сотня тысяч заклятий разных эпох и народов одновременно подчинились Озимандии, обрушивая свой гнев на Гавейна.

Конечно же Гавейн представлял из себя могущественного рыцаря - одно из самых могущественных, что вообще когда-либо существовали на этом свете - и, под светом Солнца тот был сильнее, чем когда-либо. Что было особенно важно - в три часа на рассвете и три часа на закате Гавейн был вовсе неуязвим.

Однако даже “неуязвимость” была слабым утешением перед тысячелетиями накопленной магии, мощи и величия всех царей что были до и после Озимандии.

Врезавшаяся в его фигуру магия поглотила тело Гавейна - прежде чем быть разрезанной вдоль следующей атакой.

Лампа Дендеры - забавный артефакт для многих уважаемых ученых-египтологов, изображенный на барельефе и столь часто принимаемый за настоящую лампу - для любителей тайных заговоров символ невероятной развитости древней цивилизации Египта, для ученых мужей - случайное совпадение. Для Озимандии великого - не то и не другое.

Собравшейся за головой Озимандии подобно нимбу сгусток света несколько раз вздрогнул, словно бы просыпаясь ото сна, прежде чем ударить вперед светонесным потоком, разрезая магию на своем пути, прежде чем поглотить тело Гавейна. Древняя мощь Ра и бесчисленных жрецов, почитающих солнечное божество, воплощенное в едином ударе, врезавшимся в тело рыцаря.

Для любого Слуги это было бы “чрезмерным”. Для того, чтобы не оставить от противника даже пыли было достаточно лишь десятой мощи того, что было сконцентрировано в Благородном Фантазме Озимандии. Для любого противника - но не для Гавейна.

Даже учитывая его “неуязвимость” и яркое полуденное Солнце, сияющее на него сверху, Гавейну было бы сложно пережить подобную атаку. Однако обладая практически неистощимыми резервами Богини, находясь на своей территории, рядом с Камелотом, где Богиня была сильнее всего - у Гавейна был шанс. Более чем шанс - у него была уверенность.

Конечно же он не мог просто сбросить с себя подобную атаку как ничего не значащий мусор и отряхнуться от той - великий царь Озимандия назывался таковым не потому, что Трон Героев решил поиграть в любимчиков, а потому, что он являлся таковым. Однако вместе с тем и сила Гавейна делала его “неуязвимым” не потому, что Трону Героев нравилось экстраполировать способности героев.

Возможно, если Создатель действительно существовал, тому нравилось использовать все эти цветастые описания и способности - неуязвимые, непобедимые и величайшие - однако реальность была такова, что всепробивающее ядро и непробиваемая стена столкнулись между собой - и результат подобного столкновения определился спустя несколько секунд, во время которых мощь Озимандии продолжила вгрызаться в Гавейна, прежде чем потухнуть - на несколько секунд, что требовались Озимандии для подготовки атаки. Ничтожное время, что можно было по праву назвать попросту “нечестным” сравнительно возможностей подобного Благородного Фантазма. И все же - вечность в сражении Слуг.

Впрочем, царь всех царей не был беззащитен даже в этот момент. Стоило только свету лампы Дендеры перестать работать, как новая волна магии поглотила Гавейна - атаки, лучи и снаряды отражали только часть способностей бесконечного дворца Озимандии - проклятия древних королей, не желавших их дворцы потревоженными, и гнев поколений жрецов, отдавших жизнь в услужение своим богам не дали возможности фигуры Гавейна даже проявиться на мгновение после атаки Озимандии и явить миру результат той, прежде чем поглотить Гавейна вновь. Впрочем, Озимандии и не требовалось подобного - ведь его дворец распространялся вдаль почти бесконечно, словно бы замещая собой весь мир вокруг. Нет, правильнее было сказать, что именно так это и произошло - ни одна физическая реальность не могла выдержать присутствия воплощенной мощи царя Озимандии. Мир вокруг и за пределами взгляда Озимандии исчез - для царя всех царей и рыцаря, осмелившегося завянуть свое право на титул, что не был ему дарован, перестал существовать для них двоих - в самом прямом из смыслов. Простирающейся в бесконечность дворец Озимандии поглотил весь мир, оставив лишь столько, сколько было угодно Озимандии для его царствования - и два воплощения Солнца оказались отрезаны от Сингулярности вовсе, словно бы регальный Озимандия отдал приказ самому миру - “не беспокоить меня до иного приказа.”

В его мире все действовало согласно его приказу, вся магия мира была под его командованием и бой продолжался до тех пор, пока сам Озимандия не пожелал бы иного.

И все же, с вынужденным - но весьма неприятным для него самого - уважением Озимандия должен был признать, что эффект его атаки оказался несколько менее выраженным, чем тот рассчитывал. Безусловно, Озимандия не рассчитывал на то, что Гавейн погибнет столь легко и быстро, от единственной атаки - пусть и атаки что можно было даже назвать “серьезной” в исполнении Озимандии, однако он предполагал, что Гавейн как минимум будет иметь чувство такта и потеряет как минимум одну из своих конечностей в результате воздействия света Дендеры. Однако того не произошло, и потому Озимандия...

Был вынужден атаковать еще раз. Что, само по себе, говорило о том, насколько Озимандия высоко оценивал Гавейна.

Если бы Аинз был любителем поэзии, то он наверняка бы описал, как грациозно Богиня Камелота двигалась, подобно танцу, ее огромное копье было подобно экзотическому реквизиту для того...

Однако Аинз был достаточно далек от поэзии - и достаточно близок к рутине ММОППГ - а потому нежеле бы восхищаться выдающейся смертельной грацией, с которой перемещалась Богиня тот только достаточно внимательно отслеживал ее движения, подмечая как та предпочитала атаковать - быстро, жестко и стремясь одним ударом нанести как можно большее количество урона как можно большему числу целей - прежде чем послать то или иное заклятие в Богиню Камелота, скорее от того, что он "должен был" сделать что-то подобное, чем от какой-либо необходимости.

Разум Аинза пытался представить план возможной остановки Богини, однако использованные до того заклятия Аинза не могли удержать Богиню надолго. Без всяких сомнений, Богиня Камелота была, пожалуй, сильнейшим противником, с которым Аинз столкнулся в Сингулярностях... Что не было слишком уж мозговзрывающей планкой для Аинза - но обозначало, что тот испытывал некоторую проблему с тем, чтобы легко обезвредить Богиню и допросить ту относительно ее ранних слов - про спасение людей и так далее. Медб же, создавая десятки за десятками иллюзорных солдат и вовсе выглядела скучающей, кажется, достаточно меланхолично реагирующей на попытки Богини добраться до Медб. В конце концов десять, сто или сто десять миллиардов иллюзий уничтожила бы Богиня - на Медб это не оказывало никакого влияния вовсе.

Возникающие по ее желанию солдаты, не успевавшие сделать и шагу вперед, прежде чем быть обращенными в тающую на ветру пыль, легко сменялись новыми и новыми куклами - под взглядом Медб, даже не двигающейся со своего изумрудного трона, выражения лица больше скучающее и незаинтересованное, чем какое-либо еще. Несмотря на то, что Медб продолжала наблюдать за Богиней, пытающейся добраться до самой Медб, в ее взгляде не было презрения как от наблюдения за пытающимся добраться до нее тараканом, раздражения - или какой либо эмоции вовсе - кроме простой скуки. С таким же выражением лица Медб могла наблюдать за падающими каплями, тикающей секундной стрелкой часов или за сохнувшей на стене краской.

Выражение лица Богини, впрочем, также не изобиловало эмоциями - с отрешенной методичностью та превращала воинов Медб в осколки и пыль, с каждым ударом вызывая удары воздуха или растущие под ее ногами трещины от инерции ударов. Со стороны могло даже показаться, что она представляла из себя робота - учитывая скучающее выражение лица Медб - даже то, что это было тренировочным сражением между двумя подобными. Но это не было подобным - Богиня стремилась уничтожить Медб - а Медб держала удар, предоставляя столько времени Аинзу на его действия, сколько тому было нужно. Впрочем - Аинз не мог сказать и то, что для Медб было бы легко разобраться с Богиней. Запутать, ослабить, завести в ловушку, после чего, когда та обессилеет - убить? Вероятнее всего, но это потребовало бы время от Медб - и куда большей вовлеченности в процесс. Просто справиться с той одним невероятно мощным ударом? Нет.

С другой стороны создаваемые Медб болванки, пусть и пригодные лишь для того, чтобы бессильно осыпаться в прах из-за одного движения руки Богини, все же заставляли Богиню совершить это одно движение. Для Медб подобные иллюзии не стоили ничего - и даже если

было сложно представить, что постоянные движения Богини могли легко утомить ее - до тех пор, пока Богиня тратила больше энергии на свои действия, чем восстанавливала самостоятельно ежесекундно - можно было сказать, что Медб выигрывала даже не совершая никаких действий.

Иными словами - хотя ситуацию ни в коем случае нельзя было назвать проигрышной - точно также ее нельзя было назвать и выигрышной. Возможно, затягивание сражения бы имело смысл, если бы Богиня могла рассчитывать на помощь своих Слуг - однако это было невозможно - ее рыцари сражались прямо сейчас с альянсом Слуг, собранным под началом Аинза. Куда вероятнее было то, что затягивание сражения играло на руку Аинзу, чем Богине.

Богиня могла понять это не хуже иных - и потому, спустя мгновение, отступила от Медб, до которой так и не смогла добраться легким способом - пусть та и не сдвинулась со своего трона, прежде чем занести копьё, что спустя мгновение засветилось солнечным светом. Или, по крайней мере, именно такая ассоциация и казалась наиболее подходящей - золотистый свет, пробившийся сквозь завитую сталь - или, по крайней мере, это выглядело как сталь - оружия. Однако этот свет нельзя было назвать солнечным - в нем не было тепла или переливов, каковые существовали в Экскалибуре. Нет, золотистый свет ее копья казался величественным, как золотое сияние доспехов, но ни в коем случае не приветливым. Холодный, отстраненный, как блеск золотых идолов, бессердечных к человеческим мольбам. Памятник тиранам давно ушедших эпох.

Наставив это копьё на Медб и Аинза одновременно, сформировав прямую линию от себя включающую их обоих, Богиня произнесла холодно - исключительно в плане безэмоциональности,- Ронгоминиад.

Спустя мгновение - ударившая во все стороны сила мгновенно превратила в пыль всех созданных Медб солдат, вырвавшись на волю необузданным вихрем, прежде чем превратиться в столб золотого сияния... Заставив Аинза внимательно сконцентрировать свой взгляд на копьё.

Десятки мыслей одновременно пронеслись в его разуме, прежде чем сформулировать одну, финальную, самую главную мысль.

“Это однозначно Предмет Мирового Класса!”

В прошлом Аинзу не удалось получить Предмет Мирового Класса от Теслы - и в данный момент маловероятно было и то, что он сможет перенести с собой летающий дворец Семирамиды, но...

Но упускать наконец-то появившийся перед его глазами самый настоящий Предмет Мирового Класса?!

Глаза Аинза зажглись жадностью, которую было невозможно описать простыми словами. И Богине стоило быть благодарной, что та оказалась неспособна увидеть эту эмоцию в сиянии Ронгоминиада.

Иначе ее однозначно пробила бы дрожь.

<http://tl.rulate.ru/book/74423/3855399>